

Когда заботятся о смене

Кутайси — город славных театральных традиций, город театральной славы. Здесь протекала деятельность многих корифеев грузинской сцены. Здесь тридцать лет назад родился театр, которому впоследствии было присвоено имя его основателя и руководителя Котэ Марджанишвили. Кутайсцы любят свой театр, являются его истинными почитателями и горячими патриотами.

...Мы приехали в Кутайси рано утром и через несколько часов были уже в театре. Красивое здание его величественно возвышается на центральной площади города, как бы символизируя собой значительность и непоколебимость годами сложившихся сценических традиций.

В театре нам сказали, что репетиция уже началась. Параллельно, из приходящего дня. Художественный руководитель театра Акакий Васцалдзе работает над постановкой пьесы Н. Вирты «Дали негодяйные», молодой режиссер, выпускник Театрального института Т. Мехки репетировал спектакль «Дон Сезар де Валаад», а постановочная часть под руководством Ю. Петraitиса трудилась над подготовкой технического оборудования для готовящихся премьер. В одном из кабинетов мы встретили молодого драматурга Л. Савинадзе, работавшего над инсценировкой романа К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды», которую в скором времени театр примет к постановке. И сразу стало очевидно: коллектив театра живет интенсивной, напряженной творческой жизнью. У него в перспективе большие планы, обещающие быть интересными спектакли. Театр собирается работать над «Ваней» В. Маяковского, думать о спектакле «Ричард III», в котором главную роль будет исполнять А. Васцалдзе.

Мы познакомились с тремя выдающимися постановщиками — «Изнанники» Важа Пшавела, «Измена» А. Сумбаташвили-Южина и «Жертва» И. Ге-

НА СПЕКТАКЛЯХ КУТАЙСКОГО ТЕАТРА

дэианишвили. Даже при самом непрофессиональном подходе к оценке этих спектаклей бросается в глаза их определенная общность. Речь идет о схожестве в методах создания постановок, о самих подступах к их сценическому воплощению. Чувствуется это единство и в понимании принципов художественного и музыкального оформления, в стилевых принципах сценического воплощения пьес.

А. Васцалдзе привлек к оформлению спектаклей таких видных художников современного грузинского театра, как Д. Тавалдзе («Измена»), П. Лангашвили («Изнанники») и И. Сумбаташвили («Жертва»), и каждый из них в той или иной мере привнес в спектакль свою большую культуру, вкус, изобретательность. В особенности это следует сказать о Д. Тавалдзе и П. Лангашвили.

Сотворив лучшие психологические театральные оформления, они в то же время выкладывают свое, совершенно самостоятельное восприятие драматургического материала.

Мастер сценической композиции Д. Тавалдзе блеснул утонченностью колорита, а колорист П. Лангашвили изобразил интереснейшее пространственное решение спектакля, облекая его в одну голубовато-сероватую гамму. И как много глубины мысли в оформлении этих двух художников! Яркие, сочные черно-бело-красные блики первой картины «Измены» (сцена у Сулейман-хана) сменяются суровой и строгой сероватой гаммой сумерек и тустой черной краской ночного мрака. И кажется, что в этой сцене красок художник хочет подчеркнуть контрастность настроений — разлуку и кровавый деспотизм завоевателей, с одной стороны, тоску и скорбь грузинского народа о своей трагической судьбе — с другой.

К сожалению, не все удалось в оформлении «Жертвы». Если в первом акте художник И. Сумбаташвили нашел интересный сценический прием в композиции и цвете, то следующие картины явно выпадают из общего стиля, и в результате от оформления спектакля не остается впечатления художественной целостности.

Композиторы Р. Габичвадзе («Измена») и «Жертва») и А. Чикавадзе («Изнанники»), следуя режиссерским принципам, не просто написали музыку к спектаклям. Они вводят ее в действие для усиления драматизма (или, напротив, для выявления комических ситуаций), для более глубокого раскрытия психологии действующего лица. И надо сказать, что во всех трех спектаклях композиторам удалось добиться органического слияния музыки с действием. В особенности впечатляет музыка в сцене жертвоприношения («Изнанники»), когда в оркестре проходит национальная грузинская мелодия «мествирули».

Трагедия великого грузинского классика Важа Пшавела поставлена А. Васцалдзе с глубокой и тонкой пониманием смысла происходящего. Режиссер не увлекается внешними постановочными эффектами и очень бережно относится к тексту произведения. Его интересует тема сугубо психологическая, глубоко человеческая. На первый план в своем постановочном замысле он выдвигает тему целостности человека, его достоинств. В этом же смысле решается режиссером и тема патриотизма. Она подразумевается все ту же цельность человека, его внутреннюю гармоничность. Вот почему в режиссерском решении нет голого противопоставления шахов и кистов, и в изображении последних режиссер не идет по пути внешнего схематизма. Его и здесь интересует тема внутреннего, психологическая. И представления кистов — Молла-муса (А. Келбакиани) и Гулсунды (Т. Беридзе) описаны в спектак-

ле со всеми присущими им психологическими нюансами. Более того, режиссер одраматизировал роль Гулсунды. Он вывел ее в финале, в момент боя, когда Ваха погибает геройской смертью, и предоставил ей возможность пережить минуты сильного душевного потрясения.

Большое место в свете режиссерской трактовки приобретает в спектакле первая сцена — этот своеобразный «эпиграф» постановки, в которой через бесташу по своему национальному колориту и необычному темпераменту игру артистов Ш. Пирвели (Уиша), Ш. Хаджалия (Иване) и Н. Циклаури (Шалва) утверждается главная мысль спектакля, его сверхзадача.

Режиссером спектакля хорошо продуманы массовые сцены. Они, эти сцены, очень органично связаны с развитием судеб героев. И среди этих героев в первую очередь надо отметить Джавару М. Гелашвили. Глубоко драматично проводит она сцену с Баха и рпизод жертвоприношения. В ней ощущается и материнская нежность, и величие горя, и стойкость духа.

К числу удач спектакля следует отнести и исполнение К. Колхидели (Изеинар), Н. Сагарадзе (Гулкан), Т. Гвишишвили (Мокрис). Менее удались в спектакле образы Чонта (В. Мегрелишвили) и в особенности Баха (Г. Нацвалишвили). В игре последнего при правильном логическом построении образа не ощущается внутреннего драматизма. Это же следует сказать и об исполнении роли Чуча — М. Сванидзе.

На большом патристическом дыхании поставлена А. Васцалдзе «Измена». Режиссер очень четко и выукло оттеняет в спектакле темы любви и ненависти, подчеркивая их социальное звучание. А за этим противопоставлением стоят живые люди, исполненные огромной внутренней силы. В присущем пьесе приподнятом тоне играет Зейнаб К. Колхидели. Актриса нигде не падает в ложную патетику. В ее Зейнаб есть спокойная сдержанность, адекватность и грозное ожесточение против врагов родины.

Возлюбованию и степенно играет Омарбега В. Мегрелишвили. Как всегда, человек и прост Ш. Пирвели — Аниана. Живописен в роли Сулейман-хана Г. Нацвалишвили. Суровая риторичность его реплик как нельзя более удачно гармонирует с образом хана.

В небольших ролях запоминаются Т. Кикнадзе (Иссахар) и А. Келбакиани (Дато), а также молодежь театра, о которой речь будет ниже.

Спорным представляется нам обращение театра к пьесе «Жертва». Посвященная революционным волнениям периода 1905 года, пьеса эта тем не менее страдает шаткостью социально-политических выводов. По следам, «под занавес» данные слова старика Габуа (Ш. Хаджалия) обращены к богу. Спрашивается: за что же собственно боролись люди? За то, чтобы сложить руки ждть божьей милости? К эсти режиссера спектакля О. Алексашвили, в общем правильно понявшего пьесу, надо сказать, что он постарался сгладить этот неверный политический акцент. Режиссер нашел выразительную мизансцену: находящийся на сцене народ резкими движениями протеста хочет пресечь молитвенные возгласы старца. Такой финал спектакля много компенсирует.

Не могла не сказаться на спектакле и композиционная рыхлость пьесы. Действие в его внутреннем развитии и динамике, в сущности, кончается в первом акте. Два последних акта мало что дают режиссеру и актерам. И все же есть в постановке отдельные режиссерские находки, актерские удач. Речь идет о В. Мегрелишвили (Гагуа), Г. Келбакидзе (Са-

ко), Т. Кикнадзе (Мариям) и в особенности о молодых актерах.

Театр и его художественный руководитель уделяют молодежи максимум внимания. Выпускники Театрального института продолжают в театре учебу под наблюдением одного из преподавателей института — А. Васцалдзе. И это дает свои плоды: Театр избрал правильный путь в воспитании молодых артистов. Им поручаются и ответственные роли, и эпизоды. Словом, их заботливо растят.

Мы видим Т. Беридзе в двух совершенно контрастных ролях — Рухуаи в «Измене» и Гулсунды в «Изнаннике», и жаждаю из них актриса извлекла сочные, ярко характерными деталями. Необычайно искренний, трогательно-лиричный характер Гаюа в «Измене» создала Ц. Беридзе. Возлюбованию и темпераментно провел Н. Циклаури роль Ваню в «Жертве» и, что особенно важно, из небольшой роли Шалвы (в постановке театра имени Марджанишвили образ Шалвы почему-то вовсе изъят из пьесы) сделал образ впечатляющий, со своей определенной биографией в спектакле. В памяти зрителя надолго остается финальная сцена, когда Шалва — Циклаури, охваченный благородным патристическим порывом, устремляется со знаменем в руках вперед на врага. В этой своеобразной «точке» спектакля выразилась не только мысль режиссера о преемственности патристизма, но и подлинное сценическое «чувство» молодого актера.

За короткий срок пребывания в театре хорошо проявили себя Э. Сванишвили (Гагуа), Г. Келбакидзе (Сако), Т. Кикнадзе (Мариям) и в особенности о молодых актерах. Театр и его художественный руководитель уделяют молодежи максимум внимания. Выпускники Театрального института продолжают в театре учебу под наблюдением одного из преподавателей института — А. Васцалдзе. И это дает свои плоды: Театр избрал правильный путь в воспитании молодых артистов. Им поручаются и ответственные роли, и эпизоды. Словом, их заботливо растят.

Мы начали с того, что Кутанский театр живет интенсивной жизнью. Действительно, с приходом в театр А. Васцалдзе многое в нем изменилось. Планомерное и организованное строится повседневная творческая работа, четко определена репертуарная линия, ощущается единое художественное руководство, заботливо вырабатывается молодое поколение. Но, разумеется, это — не предел! Многие еще в коллективе несовершенны в смысле художественного мастерства актерского исполнения, не всегда ощущается ансамблевая сложность постановки. Театру есть над чем работать, есть что совершенствовать. Необходимо только максимум энергии, горячая творческая инициатива всего коллектива, полная и самоотверженная отдача себя любимому делу.

Важа Пшавела («Измена») и Хатисо («Изнанники»); Л. Вахакидзе — обязательная и задумчивая Нато в «Жертве»; Г. Ласхишвили, проявивший свое яркое характерное дарование в ролях Шако («Жертва») и Кара-Юсуба («Измена») и Ир. Вазляшвили — отличный исполнитель небольших эпизодических ролей во всех трех спектаклях.

Когда мы смотрели на наших выпускников, нам думалось о целесообразности их направления в театр не в одиночку, а группами, пусть маленькими, но коллективами, дающими возможность говорить об определенном лице молодежи в театре. Такой коллектив работает сейчас в грузинской труппе Сухумского театра, а в скором времени группой выпускников института пополнится и его абхазская труппа.

Мы начали с того, что Кутанский театр живет интенсивной жизнью. Действительно, с приходом в театр А. Васцалдзе многое в нем изменилось. Планомерное и организованное строится повседневная творческая работа, четко определена репертуарная линия, ощущается единое художественное руководство, заботливо вырабатывается молодое поколение. Но, разумеется, это — не предел! Многие еще в коллективе несовершенны в смысле художественного мастерства актерского исполнения, не всегда ощущается ансамблевая сложность постановки. Театру есть над чем работать, есть что совершенствовать. Необходимо только максимум энергии, горячая творческая инициатива всего коллектива, полная и самоотверженная отдача себя любимому делу.

Этери ГУГУШВИЛИ.

ТАРА
ВУСИКА

17 ФЕВ 1958